

ПОСТИЖЕНИЕ В ПОНИМАНИИ МИРА ЧЕЛОВЕКА

© 2017

В.В. Знаков

Сегодня все большую роль в социогуманитарном познании приобретает экзистенциальный подход, стремящийся осмыслить исследуемые феномены как элементы человеческого бытия. Не составляет исключения и психология. Предметом экзистенциальной психологии становится изучение взаимоотношений человека с миром его жизни, а задачей — понимание и описание бытия через психологию человека. При этом человек мыслится как субъект бытия, а современный мир и человеческое сообщество — как, по меткой формулировке С.Л. Рубинштейна, бытие, преобразованное человеком и включающее в себя человека, и как совокупность связанных с человеком общественных и личных отношений [13].

Очевидно, что в приведенной формулировке речь идет не только и не столько о “материальных” аспектах преобразования, об изменении каких-то отдельных элементов или характеристик бытия — в этом случае употреблялась бы какая-то менее всеобъемлющая категория. Видимо, главное содержание понимаемого таким образом “преобразования” состоит, прежде всего, в том, что человек — это часть бытия, которая осознает сущее, целостное бытие, и весь наличный мир в целом представляет собой бытие, изменяющееся действиями в нем субъекта.

При таком подходе сознание и деятельность, мысли и поступки оказываются не только средствами преобразования бытия: в мире людей они выражают подлинно человеческие способы существования, среди которых один из главных — понимание мира субъектом. Человек, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, сам творит свою жизнь в мире и понимает его. И здесь лежит важнейшая точка соприкосновения экзистенциальной философии и экзистенциальной психологии. При этом важнейшим предметом ее исследования оказывается специфика понимания и постижения: именно в контексте взаимодействия человека с миром и бытием “постижение”

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

Знаков Виктор Владимирович — доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института психологии РАН. Член редколлегии журнала “Человек”. E-mail: znakov50@yandex.ru

Работа выполнена в соответствии с государственным заданием ФАНО РФ № 0159-2017-0004

выступает не метафорой и не одной из частных проблем психологии познания, а фундаментальной категорией, во многом определяющей специфику данного взаимодействия.

Мир человека и его понимание

Мир человека многомерен, он состоит, по меньшей мере, из трех реальностей — эмпирической, социокультурной и экзистенциальной.

Эмпирическая реальность — это неодушевленная природная и предметная среда, в которой человек живет и с которой взаимодействует. Важно, что объектами и предметами этой неодушевленной эмпирической реальности могут выступать и сами люди — если их рассматривают не как субъектов, обладающих разумом, чувствами и т.п., а как объекты логических рассуждений, по отношению к которым применяют парадигматический способ понимания мира. Примерами могут служить логические задачи на поиск лишнего слова. В перечне “мать, дядя, начальник, дочь, брат” необходимо удалить слово “начальник”, как не относящееся к определению понятия “семья”. В таких случаях, рассуждая логически, мы парадигматически понимаем обсуждаемый фрагмент мира человека. При этом не принципиально, состоит он из неодушевленных объектов или живых людей — методы рассуждений и способ понимания такие же, как при научном исследовании природы или предметов, созданных человеком.

Социокультурная реальность возникает в результате объективации содержаний индивидуального и группового сознания. Такая реальность не существует вне представлений людей о ней: описывая социокультурную реальность, мы одновременно создаем ее. Понимание оказывается одним из главных психологических механизмов создания, конструирования людьми социокультурной реальности. Именно понимая, порождая смыслы возникающих в коммуникации высказываний, суждений, мнений, мы творим реальность. Если нет понимания, то нет и социокультурной реальности.

Экзистенциальная реальность человеческого бытия, в отличие от эмпирической, не объективируема, она не имеет явных референтов в предметном мире (например, какие объекты обозначают слова “содружество” или “участие”?). На это обращает внимание Т.А. Кузьмина, которая пишет о том, что “в человеческом бытии имеются и сосуществуют, по крайней мере, две реальности: предметно-объектная и необъективируемая, одна, подчиненная всем законам объектного мира, и другая “не от мира сего”, живущая по другим законам” [9, с. 19]. Ключевыми психологическими феноменами экзистенциальной реальности являются опыт, переживание, бессознательное, постижение. И ни один из этих терминов не имеет объектных референтов.

Для экзистенциальной реальности человеческого бытия повторяемость не важна, потому что эта реальность состоит из индивидуально неповторимых феноменов. Исследуя эту плоскость человеческого мира, психолог имеет дело исключительно с частным и уникальным. Экзистенциальная реальность человеческого бытия основана на таком единстве познания и переживания, в результате которого порождается опыт, имеющий для субъекта *смысл*. В опыте и через опыт человек понимает все, что связывает его с людьми и событиями. На экзистенциальном уровне понимание оказывается не столько одной из познавательных процедур (наряду с объяснением, предсказанием и др.), сколько способом бытия человека в мире, дающим ему возможность связывать различные типы знания через неявное знание. Экзистенциальный опыт направляет весь ход жизни человека, осуществляет ценностно-смысловую регуляцию. В экзистенциальном опыте сконцентрировано общее знание субъекта о человеческой природе, фундаментальной прагматике жизни. Именно на экзистенциальный опыт переживания значимых для человека событий и ситуаций и направлено понимание в указанном выше смысле.

Описывать понимание в однозначных категориях “истинное — ложное” можно лишь в тех редких случаях, когда оно основано на значениях и знаниях. При опоре же на мнения и смыслы или переживания и опыт понимание можно характеризовать с позиций либо “правильности — неправильности”, либо “правдивости — лживости”. Что-то конкретное (родственника, логарифм, ускорение и т.п.) мы понимаем только на основе осмысленного знания, осознания смысловой структуры мира, в котором живем. Каждый раз мы понимаем частное, потому что знаем общее. Понимая множество конкретных событий и ситуаций, мы опираемся на свой тезаурус обобщенных знаний о смысловой структуре мира человека. Поскольку для того чтобы понимать частное, мы должны знать смысловую структуру общего, то, по большому счету, не важно, идет ли речь о понимании реальности в целом или составляющих ее событий и ситуаций.

Именно такой интерпретации конструкта “понимание мира человека” я буду придерживаться в статье.

В современной психологии понимание эмпирической реальности анализируют с позиций когнитивной традиции; способ понимания мира — парадигматический; основания понимания — знание и значение; тип понимания — понимание-знание. Понимание социокультурной реальности основано на герменевтической традиции, нарративном способе; основанием выступают мнение и смысл, тип — понимание-интерпретация. Экзистенциальная реальность: экзистенциальная традиция, тезаурусный способ, переживание и опыт, понимание-постижение [6].

Цель настоящей статьи — с позиций психологии понимания мира человека проанализировать содержание этого по-

следного феномена постижения, проявляющегося преимущественно в экзистенциальной реальности.

Постижение как проблема понимания мира человека

В самом общем виде “постижение” с точки зрения психологии можно характеризовать как психический процесс схватывания целого. Важную роль в нем играют самопонимание, интуитивное чувствование и созерцание. Главное как для субъекта постижения, так и для изучающего этот феномен психолога заключается в определении ценностных составляющих знаний. Постигаемое всегда не безразлично нам, имеет определенную субъективную ценность.

Основания понимания в экзистенциальной реальности интегрируются, теоретически объединяются во введенном и проанализированном М. Фуко понятии и, соответственно, феномене “духовного знания” [19]. М. Фуко полагал, что без обращения взгляда субъекта вовнутрь, на самого себя, без духовных усилий, направленных на собственное преобразование, можно получить только познавательное (когнитивное) знание. Познанию внешнего мира теоретически противостоит духовное знание — понимание самого человека, его души, внутреннего мира. Главное, что нужно для возникновения подобного знания, — это изменение, перемещение взгляда: на мир и на себя.

Смещение взгляда позволяет увидеть вещи иначе и, одновременно, оценить их. Кроме того, духовное знание построено на таком самонаблюдении и самопонимании, в котором субъект становится способен “уловить себя самого в своей реальности”, увидеть себя каким он есть на самом деле. Духовное знание — атрибут не познания, а бытия человека в мире: “Субъект не только открывает для себя свою свободу, но и находит в ней форму существования, приносящую ему все счастье и совершенство, на которые он способен” [19, с. 335].

Многие экзистенциальные ситуации (утрата близкого человека, принятие решение о моральной допустимости или недопустимости эвтаназии, аборта и др.) невозможно понять на основе одного лишь познавательного знания, требующего оценки “истинно-ложно”, их можно только “постичь” в указанном выше смысле этого слова. При этом феномен постижения, если его рассматривать не в религиозном, а в научном значении слова, так же объективен, как достоверное знание. На это указывает М. Полани: “Постижение не является ни произвольным актом, ни пассивным опытом; оно — ответственный акт, претендующий на всеобщность. Такого рода знание на самом деле объективно, поскольку позволяет установить контакт со скрытой реальностью; контакт, определяемый как условие предвидения неопределенной области неизвестных (и, воз-

можно, до сей поры непредставимых) подлинных сущностей” [12, с. 19].

В основе экзистенциальной точки зрения на постижение лежит неоднократно высказывавшаяся мысль о трудности постижения истины и даже неуловимости ее для разума. Главная причина интеллектуальной непостижимости истины заключается не только в ее неисчерпаемости и бесконечности, но и в несказанности. Истина оказывается гораздо больше, выше, масштабнее всего, что можно поименовать, высказать словами. Неудивительно, что неосознаваемость истины скрывает от познающего субъекта свернутое, неявно выраженное знание о ней. Принципиальная невозможность осознать в полном объеме познаваемый мир и себя в мире хорошо известна не только психологам. Как свидетельствует история науки, она проявлялась, например, в “ученом незнании”, характеризовавшем гениев (вспомним Ньютона, который сравнивал себя с мальчиком, перебирающим камешки на берегу океана познания). Вследствие этого решения, принимаемые людьми в трудных жизненных ситуациях (предпочтение своих эгоистических интересов в ущерб долгу или уже данным обещаниям, моральные сомнения в необходимости обнародовать неприглядный поступок друга, согласие на операцию при тяжелом онкологическом заболевании и т.п.), бывают основаны как на рациональных рассуждениях, так и на интуитивном внепонятийном постижении.

Понятие “постижение”, с одной стороны, по объему и содержанию шире, чем категории “познание” и “интерпретация”, а с другой, — значительно более размыто, трудно уловимо и плохо поддается вербальному объяснению. Дело в том, что феномен постижения является неотъемлемой частью человеческого бытия, экзистенции, не поддающейся рефлексивному анализу. Еще С. Кьеркегор противопоставлял свое мировоззрение картезианской уверенности в том, что бытие пронизуемо для мышления и, следовательно, может быть описано в понятиях. Он утверждал, что экзистенция есть то, что всегда ускользает от рационального понимания. По Гегелю, постижение направлено на выявление такого истинного бытия людей и природных объектов, которое скрывается за чувственным восприятием. Необходимость в нем возникает при невозможности уяснить объективную сущность предметов и явлений таковыми, какие они есть.

Человек может понимать или не понимать сложные и простые объекты. Однако если предмет психологического анализа сложен, как, к примеру, самообман, то следует говорить о таком его понимании, в основе которого лежит постижение. Например, неудивительно, что фундаментальный исторический труд британского историка, культуролога, социолога и философа А.Дж. Тойнби в русском переводе называется “Постижение истории” [15]. На английском языке труд А.Дж. Тойнби назы-

вается “A Study of History”, т.е. “Изучение истории” или “Исследование истории”. “Но с первых же страниц становится ясно, что о каком-либо изучении, основанном на детальном анализе, или об исследовании в привычном смысле можно говорить лишь весьма относительно. Мысли, концепции, определения, факты, страны и народы, прошлое и будущее сливаются в сложнейший узор, скорее указывающий на присутствие тайны, чем придающий четкость и последовательность изложению событий прошлого... Однако, чем больше читатель углубляется в него, тем сильнее его охватывает чувство, что в данном случае речь идет не столько о рациональном познании, сколько о постижении, сочетающем логическое осмысление, интуицию и даже прозрение” [17, с. 8]. В сочинении А.Дж. Тойнби постижение интегрирует его интерпретативную схему анализа исторических фактов, воплощенную в тезаурусном способе понимания цивилизаций. Причем присущая историку тяга к универсализму указывает на показательное для него преобладание синтеза над анализом.

Теперь расширим контекст применения категории “постижение” и обратимся к другой области научного познания. И.А. Бескова, доказывая ограниченную применимость компьютерных метафор к пониманию природы естественного интеллекта, обсуждает феномен интегрального постижения. Она говорит о едином целостном пространстве человеческой экзистенции, реализующемся в каждом познающем субъекте. По отношению к такому пространству применимо выражение “жизнь как познание”. В частности, она пишет: «На мой взгляд, специфика достигаемого в познавательном акте результата (имеется в виду глубина проникновения в существо воспринимаемого) напрямую зависит от того, осуществлялось ли взаимодействие с объектом интереса на интегрально-телесном или “умственном” уровне. Иными словами, от того, какой уровень взаимодействия с привлечшей внимание человека ситуацией был достигнут: состоялось ли понимание, так сказать, всем существом человека или же это было осмысление “на уровне головы”? Первое я назову интегральным постижением, второе — рассудочным пониманием» [2, с. 175]. В творческих процессах, требующих проявлений интуиции, озарения и т.п., при понимании и осмыслении предмета задействованы не только познавательные процессы но, по сути, всё существо человека. Подлинное творчество характеризуется готовностью и способностью субъекта снять разграничительные барьеры между ним и объектом постижения, как бы стать последним, убрать границы, разделяющие человека и мир. “И поскольку в акте интегрального постижения происходит снятие барьера инаковости по отношению к воспринимаемому, состояние человека может оказаться весьма дисгармоничным, а в какие-то моменты (например, до достижения озарения) и труднопереносимым” [там же, с. 178].

В современных философских исследованиях заметно проявляется традиция постижения бытия человека как особого рода онтологического измерения, которая позволяет обнаружить, вскрыть недостаточность, ограниченность возможностей рациональных методов познания. В рамках этой традиции подчеркивается, что рациональные методы элиминируют онтологическую специфику проявлений антропологической системы бытийствования на уровне индивида. На теоретическом уровне постановка и решение этой задачи обращает философов к исследованию проблемы постижения онтологической многомерности человеческого бытия [4]. Проблема целостного постижения человека анализируется также сквозь призму ее системно-синергетического осмысления. Синергетический подход позволяет исследовать общие законы саморазвития сложно организованных систем. Он открывает возможность конституировать антропологическое измерение в его бытийной целостности на основе единой объяснительной парадигмы [14].

В социогуманитарных науках постижение бытия человеком рассматривается как такая система, в которой отдельные типы сознания и знания выступают как формы развивающейся духовной культуры. Согласно С.А. Хмелевской и Н.И. Яблоковой, “постижение бытия осуществляется в определенных устойчивых формах (философия, наука, религия и пр.), которые образуют постижение-систему” [20, с. 74]. В социокультурном контексте постижение — это “культурно-историческое получение знания, в котором различные типы сознания и знания (обыденное, мифологическое, религиозное, эстетическое, научное, философское) предстают как формы единой, органически развивающейся духовной культуры” [там же] .

В психологии постижение трактуется в более узком значении. Психологи фокусируют внимание в основном на двух сторонах постижения. Одна плоскость анализа — это соотношение осознаваемого и неосознаваемого, в котором именно бессознательные компоненты определяют успешность или неудачу в понимании-постижении субъектом событий и ситуаций человеческого бытия. Другой план исследования — сознательный отказ психолога от оценки истинности или ложности знаний о событиях и ситуациях, используемых понимающим субъектом в процессах постижения. Главное как для субъекта, так и для психолога заключается в определении ценностных составляющих знаний. Постигаемое всегда нам не безразлично, оно имеет определенную субъективную ценность.

Таким образом, в психологии постижение трактуется в более узком, чем в социогуманитарных науках, значении.

Во-первых, в нем видят такой тип понимания, который направлен не на простое, а на сложное — на явления и объекты мира, требующие для своего понимания незаурядных усилий. “Употребление прилагательного постижимый возможно только в том случае, когда речь идет о глубоком понимании сути ха-

рактизуемого объекта, о проникновении в его основные, наиболее существенные свойства. Такое понимание может быть достигнуто в результате серьезных творческих усилий, глубокой интуиции, озарения, божественного откровения. Для него недостаточно готовых знаний или чужих объяснений” [3, с. 259–260]. Например, в 2001 году для миллионов людей во всем мире очевидным, когнитивно понятным, но экзистенциально непостижимым, почти “апокалиптическим” событием стала неоднократно повторявшаяся по телевизору картина крушения манхэттенских небоскребов-близнецов.

Без постижения, при всей его кажущейся иррациональности, нередко невозможно обойтись даже в высокоформализованной коммуникации, в частности, в научном диалоге, особенно в гуманитарном познании. Эта необходимость может вызываться отсутствием общепринятых понятий, из-за чего ученые в ходе дискуссии описывают одни и те же феномены и явления разными терминами. Неудивительно, что при этом трудно бывает отчетливо понять точку зрения собеседника. Вот типичный пример из одного из самых серьезных и уважаемых в российском психологическом сообществе журналов: “Вероятно, мне не дано постигнуть тонкости терминологической эквилибристики, когда выстраиваются разные модели (“внешняя” и “внутренняя”), использующие одинаковые термины, которые оказываются наделены различным содержанием” [18, с. 84].

Но это — не только слабость коммуникации. В этом случае в предмете обсуждения обнаруживается скрытое, неявное содержание, и когда оно включается в личностное знание субъектов общения, то нередко в рамках анализируемой в диалоге проблемы порождается неисчерпаемое множество новых смыслов. Такие смыслы недоступны для рационального познания: их можно только постигать. Впрочем, в научной литературе немало и противоположных примеров, когда для уяснения сути научной позиции партнера вполне достаточно понимания-знания или понимания-интерпретации [6] предмета обсуждения, из чего следует избыточность и ненужность его понимания-постижения. Например: “Прекрасная статья Л.А. Марковой порождает так много вопросов, что в качестве комментария к ней можно было бы написать текст раза в три больше, чем ее собственный. К счастью, Маркова обладает способностью очень ясного изложения своих идей и рассуждений. Поэтому с ней приятно спорить — не нужно тратить сил на извлечение мысли из путаницы слов и можно прямо противопоставлять ее утверждениям свои критические замечания” [11, с. 56]

Во-вторых, постижение — это такое схватывание целого, части которого мы по тем или иным причинам не можем познать и детально описать. Например, директор атомной электростанции ни при каких обстоятельствах не может знать обо

всех процессах, происходящих в данный момент в ядерном реакторе, мэр мегаполиса — о состоянии всех коммуникаций в городе, работники спецслужб — о всех готовящихся терактах. Необходимость в постижении возникает тогда, когда невозможно рациональное познание, когда у нас нет возможности описать понимаемое с помощью логически обоснованных знаний. И если это — схватывание, основанное на понимании-объединении целого из частей, то оно должно отражать преобладание в мышлении понимающего субъекта холистичности над аналитичностью [25]. Постижение направлено на преодоление схематичности знания, на целостный охват проблемы. Когда понимающий субъект не может внутри себя, в своей памяти найти подходящий для понимания фрейм, то он стремится выйти за свои пределы, за осознаваемые границы своего Я. Подобный выход, связанный с экзистенциальным самопониманием, неизбежно влечет такое изменение, саморазвитие самого субъекта, которое по концептуальному содержанию в значительной степени совпадает с феноменом “заботы о себе” [19].

Таким образом, важнейшим психологическим компонентом постижения является холистическое понимание-объединение частей понимаемого события или ситуации в целостную картину. Феномен постижения является неотъемлемой частью человеческого бытия, экзистенции, не поддающейся рефлексивному анализу: постижение своего истинного Я никогда не может без остатка быть сведено к осознаваемому логически обоснованному знанию. В процессах постижения знание замещается опытом, основанным на интуиции, переживаниях и чувствах.

В-третьих, успешность постижения связана с осознанием человеком того, что он живет в мире, где существует много событий и ситуаций, которые ему никогда не удастся отчетливо осознать и детально описать. Осознание должно сопровождаться установкой, психологической готовностью эффективно действовать в условиях неопределенности. Именно поэтому необходимость не в познании, а в постижении обычно возникает в маловероятных ситуациях, которые трудно прогнозировать. Например, несмотря на знание поговорки “От тюрьмы и от сумы не зарекайся” обычному человеку очень трудно представить невероятный и потому непостижимый набор обстоятельств, совпадение которых создаст ситуацию, при которой он окажется в тюрьме. Постигать такую действительность можно, только понимая и признавая объективный характер ее неопределенности, препятствующей полному осознанию и объяснению.

Очень важным ресурсом выявления психологической природы постижения является современная психология неопределенности. В этой области психологических исследований процессы принятия неопределенности многих событий и ситуаций

мира человека рассматриваются как фокусирующие активность субъекта — от уровней самосознания личности до глубинной мотивации. Процессы принятия неопределенности играют немалую роль в структурировании взаимодействий переменных интеллектуального и личностного потенциала человека. В частности, в трудных жизненных ситуациях интеллектуально-личностный потенциал человека представлен в единстве процессов когнитивного оценивания, переживания и выбора путей решения возникающих проблем и реализуется в предпочтении тех или иных стилей и стратегий совладания [8].

В-четвертых, существуют научные аргументы в пользу утверждения, что в процессах постижения субъектом мира (в частности, себя и других людей) больший “удельный вес” имеют не знание, познание и самопознание, а опыт, понимание и самопонимание. Без самопонимания постижение невозможно. На это указывает Л.И. Анцыферова, подчеркивающая особую роль феномена постижения субъектом своего внутреннего мира и психического других людей. Именно в постижении, а не достоверном знании она ищет ключ к решению проблемы мудрости: “Постановка проблемы постижения, интуитивного чувствования человеком архитектоники своего внутреннего смыслового мира, переживаемого как истинно присущего ему, означает переход от чисто когнитивного понимания мудрости к личностно ориентированному. Мудрость предполагает поиск и нахождение субъектом своего призвания, своего истинного Я” [1, с. 6].

Постижение основано на мотивации преобразования себя, самопонимании субъекта, приводящем к соприкосновению его внутреннего мира с чем-то иным, внешним по отношению к нему. Постигание возникает и развивается вследствие взаимодействия внутриличностной, межличностной и метаперсональной самоинтерпретации [22]. Постигая что-либо, человек одновременно и углубляется в себя, и выходит за свои пределы. Такой выход требует от субъекта не только соотносить понимаемые события и ситуации с личностным знанием, но и включать их в более широкий контекст человеческого бытия. Метаперсональная самоинтерпретация представляет собой метасистемный уровень самопонимания. Она направлена на выход за пределы индивидуально-личностного, внутреннего мира и охватывает более широкие стороны человеческого бытия — осознание субъектом себя как частицы человечества, жизни, космоса. Метаперсональный Я-конструкт определяется как такое чувство идентичности, которое простирается дальше индивидуального или межличностного и охватывает более широкие аспекты человечества, жизни, психики или космоса [24]. В процессе метаперсональной самоинтерпретации субъект осознает, что человеческую сущность можно постичь, обратив взор не только внутрь себя, но и на психологические особенности других людей, на общество

и универсум. Метаперсональное порождается универсальным фокусом: таким взглядом на себя и мир, который включает всю природу и жизнь в Я-концепцию субъекта [22].

В-пятых, в каждом человеке есть что-то невыразимое в знании, не поддающееся познанию, а представленное только в жизненном и экзистенциальном опыте. Это “что-то” — потаенная основа бытия, его глубинные основания [7; 9]. Согласно М. Полани, это скрытая реальность, область неизвестных и непредставимых подлинных сущностей [12]. Неудивительно, что во многих жизненных и экзистенциальных ситуациях неразумно надеяться на полное и якобы абсолютно точное понимание фактов, событий, людей. Мудрые люди отличаются от других именно ясным осознанием недостаточности понимания-знания или понимания-интерпретации, они изначально принимают как данность необходимость понимания-постижения партнеров по коммуникации. Мудрец знает, что человек — это такое духовное существо, потаенные глубины которого не дано узнать не только другим, но и ему самому. И вследствие непостижимости партнеров субъекты общения вынуждены удовлетворяться пониманием-постижением.

В-шестых, постижение неразрывно связано с обыденным знанием человека, живущего в современном мире. Любому профессиональному психологу известны результаты исследований Л.С. Выготского, касающиеся житейских и научных понятий. Ребенок, овладевший житейскими понятиями, обращает внимание лишь на отраженные в них эмпирические связи, то есть отношения между предметами. Он еще не способен определить понятие другими словами и установить сложные логические отношения, описать целостную понятийную структуру. В отличие от житейских, научные понятия встроены в систему знаний, связаны с другими терминами в иерархической системе логических отношений, в которой представлено множество других понятий разного уровня обобщенности.

Однако неправильно было бы считать формирование житейских понятий только более ранней ступенью онтогенеза: они играют важную роль во многих ситуациях и обстоятельствах жизни взрослых людей. Психологам как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях исследования давно известно, что далеко не все события и ситуации можно объяснить рационально, с помощью логических рассуждений.

Множественность и неоднородность ситуаций человеческого бытия закономерно порождает вопрос: может быть, неразумно стремиться описывать и объяснять абсолютно все события и ситуации с помощью достоверного научного знания? Утвердительный ответ на него очевиден, потому что в психологических исследованиях только небольшую часть суждений мы можем соотносить с критериями истины. В остальных случаях, если стремиться быть научно корректным, при интерпретации результатов исследований нужно говорить не об “истинности”,

а о “правильности” или “правдивости” суждений о людях, событиях, ситуациях. Решение моральных дилемм, конфликтов, спорных политических вопросов чаще основывается на чувствах, переживаниях, социальных представлениях, на опыте людей, чем на достоверных научных знаниях. Как можно определить, правильно ли поступило правительство Израиля, обменяв в конце 2011 г. военнопленного капрала Г. Шалита на 1027 палестинцев, отбывавших наказание в израильских тюрьмах за совершение террористических актов и другие преступления против мирных жителей? Это решение не может быть объяснено никакими логическими рассуждениями, потому что основано на повседневном знании и экзистенциальном опыте людей, долгие годы живущих в условиях конфликта.

Как известно еще со времен работы А. Шюца “Чужак”, знание человека, думающего и действующего в мире своей повседневной жизни, несвязно, оно обладает лишь частичной ясностью и не свободно от противоречий. “В повседневной жизни человек лишь частично — и осмелимся даже сказать: избирательно — заинтересован в ясности своего знания, то есть полном понимании связей между элементами своего мира и тех общих принципов, которые этими связями управляют. <...> Более того, он вообще не стремится к истине и не требует определенности. Все, что ему нужно, — это информация о вероятности и понимание тех шансов и рисков, которые привносятся наличной ситуацией в будущий результат его действий” [21, с. 536].

Помимо характеристик, указанных выше, обыденное знание включает осознание непонимания, то есть понимание того, что некоторые виды человеческого опыта выходят за пределы той обыденной реальности, которую нетрудно понять. Показательный пример — воспоминания людей, переживших клиническую смерть [10]. При анализе таких ситуаций человеческого бытия мы вынуждены анализировать феномен постижения, основанный на экзистенциальном опыте субъекта. И снова очевидно, что понимание некоторых событий и ситуаций происходит при опоре не на достоверное, допускающее эмпирическую проверку знание, а на личностное. Структура последнего в значительной степени основана на неосознаваемом невербализуемом знании, которое можно только постигать.

Постижение основано на экзистенциальном опыте индивидуального или группового субъекта. Доказательства этого можно найти в психологических исследованиях, например, женских автобиографий. Характерной особенностью женской автобиографии является апелляция к личному экзистенциальному опыту, прежде всего, как гендерному опыту группы. Как утверждает Ш. Фелман в известной книге “Чего хочет женщина? Чтение и половые различия”, в основе такого опыта находятся представления о травме, подавлении, репрессии в куль-

туре [23]. Женщина не может писать собственную историю потому, что она не знает ее, так как нельзя “знать” травму: ее можно только переживать и понимать по типу понимания-постижения.

На невозможность когнитивного познания травмы, ее отнесенность к постижению очень точно указывает Е. Трубина: “Событие травматично не столько потому, что оно ужасно, сколько потому, что оно непостижимо, потому, что оно бросает вызов пониманию, встряхивает и разрушает базисные допущения о мире, особенно самые хрупкие из них, согласно которым мир осмыслен, Я — позитивно, а другим можно доверять и сочувствовать. Травма остается в культуре знаком невозможности полного знания, концентрируя в себе истину события, ускользающую от опосредования и ассимиляции коллективным или индивидуальным мировоззрением” [16, с. 906]. Неудивительно, что в автобиографии внутренний приватный мир женского Я сознательно или бессознательно противопоставляется миру общепризнанных фактов и вместо временной нарративной последовательности реализуется эмоциональная последовательность событий. В результате внешняя событийность якобы очевидных объективных фактов подменяется женской внутренней аффектированной автобиографией [5].

Наконец, *в-седьмых*, некоторые психологи анализируют постижение, главным образом, как интуитивное чувствование [1]. При этом они подчеркивают, что в процессах постижения главное как для понимающего мир субъекта, так и для исследующего его психологию ученого заключается в определении не истинностных, а аксиологических, ценностных составляющих знания. Постигаемое всегда человеку не безразлично, оно имеет для него определенную субъективную ценность. И именно в аксиологической направленности постижения проявляется его внутренняя нерасторжимая связь с феноменом созерцания.

Научные представления о сущности созерцания в XX веке претерпели значительные трансформации. Понятие “созерцание” развивалось в нескольких направлениях, соответствующих изменениям научного понимания содержания этого феномена.

Первое направление развивалось по линии дихотомии “активность—пассивность”. В рамках второго направления подчеркивается интенциональная природа созерцания как компонента внутреннего мира субъекта, в котором отражаются также и внешние обстоятельства его жизни. Созерцание есть такое направление актов действия, в соответствии с которым мы можем осуществлять действия в отношении нас самих и других. В третьем направлении созерцание соотносится с ценностно окрашенным личностным знанием, включающим отношения, переживания и субъективные оценки. Созерцательное обладание реальностью означает знание непостижимого, в созерцании реальность усматривается, открывается субъекту как нечто

по существу непостижимое. Наконец, в четвертом направлении суть феномена созерцания сводится к такому ценностному прагматическому отношению субъекта к объективной действительности, которое позволяет ему не столько успешно познавать мир, сколько определить свое место в жизни.

* * *

Итак, постижение является сложным и многокомпонентным психологическим феноменом. Оно реализуется только в сложных для познающего субъекта ситуациях, характеризующихся большой степенью неопределенности. Обычно такие экзистенциальные ситуации невыразимы в знании и, следовательно, не поддаются познанию. Они представлены только в экзистенциальном опыте человека. Постигание является психическим процессом схватывания целого, в котором значимую роль играют самопонимание, интуитивное чувствование и созерцание понимающего мир субъекта. В жизни любого человека число значимых для него экзистенциальных событий и ситуаций очень велико, и потому психологические исследования феномена постижения, безусловно, нужно продолжать.

Литература

1. *Анциферова Л.И.* Гуманистически-экзистенциальный подход к мудрости: способы постижения истинного Я и призвания человека // Психологический журнал. 2005. № 3. С. 5–14.
2. *Бескова И.А.* Естественный интеллект, междисциплинарность и феномен интегрального постижения // Философия науки. Вып. 19. Эпистемология в междисциплинарных исследованиях. М.: ИФ РАН, 2014. С. 163–172.
3. *Богуславская О.Н.* Понятный, ясный, доступный, постижимый, внятнй // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / Под общим рук. Ю. Д. Апресяна. М.: Школа “Языки русской культуры”, 1997. С. 258–262.
4. *Думинская М.В.* Особенности постижения многомерной целостности человеческого бытия // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 6 [1]. С. 39–45.
5. *Жеребкина И.* Субъективность и гендер: гендерная теория субъекта в современной философской антропологии. СПб.: Алетейя, 2007.
6. *Знаков В.В.* Психология понимания мира человека. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016.
7. *Касавина Н.А.* Экзистенциальный опыт как феномен культуры // Вопросы философии. 2014. № 10. С. 46–56.
8. *Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новикова М.А.* Психология неопределенности: Единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М: Смысл, 2010.
9. *Кузьмина Т.А.* Экзистенциальная философия. М.: “Канон+” РООИ “Реабилитация”, 2014.
10. *Моуди Р.* Жизнь после жизни. Свет вдали. Киев: София, 2008.
11. *Никифоров А.Л.* Смысл или бессмыслица? // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. XXII № 4. С. 58–62.

12. *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.
13. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997.
14. *Тельнова Н.А.* Целостность человека в онтолого-антропологическом измерении. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002.
15. *Тойнби А.Дж.* Постижение истории. М.: Айрис-Пресс, 2004.
16. *Трубина Е.* Множественная травма // Травма: пункты / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 901–911.
17. *Уколова В.И.* Историк в поисках ответа на вызов // Тойнби А.Дж. Постижение истории. М.: Айрис-Пресс, 2004. С. 5–17.
18. *Фёдоров А.А.* Уловки интеллектуальной эквилибристики // Вопросы психологии. 2014. № 4. С. 83–93.
19. *Фуко М.* Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007.
20. *Хмелевская С.А., Яблокова Н.И.* Система форм постижения бытия в контексте современной культуры // Вестник МГОУ. Серия “Философские науки”. 2013. № 2. С. 74–78.
21. *Шюц А.* Чужак. Социально-психологический очерк // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 533–549.
22. *DeCicco T.L., Stroink M.L.* A Third Model of Self-Construal: The Metapersonal Self // International Journal of Transpersonal Studies. 2007. V. 26. Issue 1. P. 82–104.
23. *Felman S.* What does a woman want? Reading and sexual difference. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1993.
24. *Mara C.A., DeCicco T.L., Stroink M.L.* An Investigation of the Relationships Among Self-Construal, Emotional Intelligence, and Well-Being // The International Journal of Transpersonal Studies. 2010. Volume 29, Issue 1, P. 1–11.
25. *Nisbett R.E., Peng K., Choi I., Norenzayan A.* Culture and systems of thought: Holistic versus analytic cognition // Psychol. Rev. 2001. V. 108. N. 2. P. 291–310.